

УДК 316.286

WWW.UTOPIA.COM: ИНТЕРНЕТ КАК НОВЫЙ ГОРИЗОНТ УТОПИЗМА

Прошин Денис Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук Днепропетровского университета экономики и права

В статье предпринята попытка в общих чертах проанализировать такое социокультурное явление, как киберутопизм. Во-первых, рассмотрены точки соприкосновения киберутопии с утопической традицией (принципиальное отрицание существующих порядков, воспевание "нового человека", упрощенное понимание социальных преобразований). Во-вторых, показаны отличительные особенности киберутопизма (его анархический характер и своеобразное стирание границы между идеями, их выражением и выразителями). Также рассмотрены некоторые идейные слабости киберутопизма.

Ключевые слова: Интернет, киберутопизм, утопия.

У статті зроблено спробу загального аналізу такого соціокультурного явища, як кіберутопізм. По-перше, розглянуто точки дотику між кіберутопізмом та утопічною традицією (принципова негация існуючого ладу, оспівування "нової людини", спрощене розуміння суспільних перетворень). По-друге, продемонстровано відмінні риси кіберутопізму (його анархічний характер та своєрідне стирання меж між ідеями, їхнім виразом та тими, хто їх виражає). Також продемонстровано деякі ідейні слабкості кіберутопізму.

Ключові слова: Інтернет, кіберутопізм, утопія.

An attempt to present an outline of such a phenomenon as cyberutopianism is made in the article. First, the common points between cyberutopianism and traditional utopia are analyzed (principal negation of the existing order, acclaim of "a new man", simplified understanding of social changes). Second, the distinguishing features of cyberutopia are considered (its anarchistic nature and erasure of the border between ideas, their expression and exponents). Some weak points of cyberutopianism are also considered.

Keywords: Internet, cyberutopianism, utopia.

Несколько последних десятилетий стали временем развития идей о новой, кибернетической реальности, о киберпространстве, о "новом человеке", *netizen* ("гражданине Сети", "сетянине"). На безграничных киберпросторах, недоступных политикам и дельцам внекомпьютерного мира, якобы зарождается небывалое сообщество независимых "сетян", сочетающих вооруженность передовой техникой с рядом полностью раскрывшихся человеческих качеств – склонностью к свободному поиску, бескорыстному творчеству, игре.

Несмотря на свою футуристичность, подобные взгляды в целом повторяют давнюю утопическую схему, образуемую тремя взаимопроникающими элементами:

- на бумаге (т.е. в литературе) или на деле утопия одинаково преподносится как конечная фаза социального прогресса, в крайнем случае – как принципиально новый его этап, разворачивающийся в отрыве от "несовершенного прошлого";

- утопия создается или видится населенной людьми, природа которых "качественно выше", "здоровее" природы людей отвергаемого утопистами мира;

- в основу утопии закладывается некое Начало, единый источник благотворных преобразований, ведущих к установлению утопических порядков.

Итак, мы имеем дело с новой разновидностью утопии – с *киберутопией*. Задачей первой части данной статьи является обозначение того, что объединяет киберутопию с другими проявлениями утопической традиции; задачей второй части является рассмотрение отличительных черт киберутопии и ее слабостей. Общая же цель публикуемой работы – осуществить предварительный анализ киберутопизма как социального феномена.

Киберутопия – отнюдь не малозначительная "диковина", но один из *атрибутов* информационной цивилизации; она – голос и инструмент тех, кто считает себя "авангардом" этой цивилизации. Более того киберутопия не может считаться и просто очередной разновидностью идеологии. Перед нами своеобразная *форма существования* доселе невиданных сообществ, базирующихся в Интернете. Таким образом, исследуя киберутопизм, мы исследуем ряд уникальных проявлений информатизации и виртуализации современного общества. Этим обуславливается актуальность поставленных задач.

Киберпространство и киберкультура детально изучены М. Дери [1], Л. Иониным [2], М. Кастельсом, [3], Г. Рейнгольдом [4]; особенностям утопических идей прежних, докомпьютерных эпох посвящены работы Э. Блоха [5], К. Манхейма [6], А. Фогта [7], Е. Шацкого [8] и др. Новизна представляемого здесь взгляда заключается в совмещении двух исследовательских подходов, в попытке анализа ряда феноменов киберкультуры как утопических *par excellence*.

1. *Утопия и отрицание ранее сложившихся порядков*. П. Новгородцев писал: "Мысль о всецелом преображении существующего требовала безусловного отрицательного отношения к истории и безусловного разрыва с прошлым" [цит. по: 9]. Сравним это со словами электронной "Декларации независимости киберпространства" (1996)¹, авторство которой принадлежит Дж. П. Барлоу: "Правительства Индустриального мира, вы, дряхлые гиганты из плоти и стали, я обращаюсь к вам как пришелец из Киберпространства, новой обители Разума. От имени будущего я требую, чтобы вы, порождение прошлого, оставили нас в покое. Вы незванные гости среди нас. ...Наш мир – иной" [10].

Послание Барлоу, соединяющее патетику "основных положений" с рассчитанной вульгарностью "преамбулы" ("*Well, f...ck them*"), представляет собой, возможно, самый яркий, но не единственный – и далеко не первый – пример отрицания старого мира с позиций киберутопизма². В сочетании с теми или иными контркультурными идеями перспективы развития компьютерной техники уже в 60-70-х гг. успели получить утопическую трактовку. Для многих программистов-хакеров, радикально настроенных студентов и всевозможных "гуру" применение компьютеров было средством оживления человеческих отношений, разрушения "Системы", "Истеблишмента" и создания истинно гуманного общества [1, с. 41-45]. В обоих случаях, в 60-70-х гг. и в 1996 г., мы слышим вариации на хорошо известную тему утопического отрицания темного прошлого и несовершенного настоящего ради грядущего идеала, одно упоминание о котором вызывает эйфорию.

2. *Утопия и "новый человек"*. В обширном исследовании Е.Шацкого [8] показано, что на протяжении многих столетий утопия приобретала разный облик, а описываемая в ней "новизна" человеческой природы преподносилась и как результат мудрого законотворчества, и как плод правильного воспитания, избавляющего от пороков, и как свойство молодого, "чистого" поколения. Но в любом случае "человек утопии", был ли он реальной или вымышленной фигурой, членом какой-либо общины или литературным персонажем, виделся самому себе или его создателю-автору существом "не от мира сего" (мира старого, несовершенного, несвободного, порочного).

Шацкий, например, пишет о "республиках молодежи" и "союзах друзей" (проявлениях утопизма, характерных для конца XVIII – начала XIX в.): "И вот посреди этих "несчастливых обстоятельств" [т.е. окружающего несовершенного мира – Д.П.] основывается "республика молодежи", в которой должны царить республиканские добродетели, преданность общему благу, бескорыстие, любовь к отечеству, – словом, появляется остров, который должен быть образцом "идеально устроенной нации", "*питомником рассады*", которая со временем, быть может, пустит побеги по всей... земле" (курсив мой. – Д. П.) [8, с. 127]. (Метафора "питомник рассады" подчеркивает, что утопические надежды на "новую породу", "новую человеческую поросль".)

Рисуемый киберэнтузиастами образ "обитателя" Сети ничем существенным не отличается от "новых людей" прошлых лет. Благодаря компьютерной технике "сетянин" "избавляется от гнета материи"; он пребывает "везде и нигде", через океаны и континенты ведет свободный разговор с себе

¹ Поводом к появлению этой Декларации стало подписание президентом Клинтоном Закона о телекоммуникациях (1996), в котором многие "обитатели" Сети восприняли как средство правительственного контроля над использованием Интернета.

² Может показаться, что Барлоу, обращаясь к именам Джефферсона, Вашингтона, Милля, Мэдисона, сохраняет связь с ценностями западной демократии. Однако, по словам Барлоу, эти ценности преданы забвению в современном американском обществе и будут возрождены в Сети. Таким образом, "Декларация" демонстрирует не столько идейную преемственность, сколько отрицание внекомпьютерной "лжедемократии" во имя "подлинно демократического сетевого сообщества".

подобными и готов протянуть руку всем, кто близок ему по духу, независимо от их происхождения и социального положения. В "Декларации" Барлоу сказано: "Мы должны провозгласить наши виртуальные сущности свободными от вашей [т.е. "старых" правительств – Д.П.] власти, даже если мы соглашаемся терпеть ваше господство над нашими телами. Мы распространимся по всей Планете, и никто не будет в силах остановить наши мысли" [10]. Барлоу словно вторит описанию сектантского утопизма у Шацкого: "Члены идеальной общины вполне могут быть рассеяны между неправедными...; важно, чтобы они жили иначе, чем остальные, и исповедовали веру, принципиально отличную от веры их испорченных ближних" [8, с. 118].

3. *Лежащее в основе утопии Начало, единый источник преобразований.* Утопизму свойственны не только подчинение идеалу и уверенность в качественной новизне "людей утопии", но и убежденность в том, что все коренные отличия, отделяющие утопию от старого мира, могут иметь своим источником тот или иной единственный, решающий фактор. В большинстве утопий прошлого (у Мора, Кампанеллы, Уинстэнли, Морелли, Кабе и др.) роль такого фактора отводилась отмене частнособственнических порядков. К примеру, об утопии Мора А. Фогт пишет: "Мор основывал свой коммунизм на том убеждении, что с уничтожением частной собственности исчезли бы и все преступления против нее, а люди *сделались бы благодаря этому счастливее и лучше*" (курсив мой. – Д. П.) [7, с. 94]. Выделенные слова возвращают нас к сказанному ранее о природе "нового человека".

Е. Черткова называет утопизм своеобразной "социальной алхимией" [9]. Эта оценка весьма удачна: подобно тому, как средневековые алхимики надеялись с помощью философского камня осуществить трансмутацию (превращение неблагородных металлов в золото), утописты рассчитывали, используя свой "философский камень" – избранное ими "универсальное средство", – создать "совершенное общество" и "нового человека".

Я также предположу, что по выраженности рассматриваемого сейчас третьего признака утопии киберутопизм заметно опережает более ранние проявления утопической традиции. Отмена частной собственности, пусть и кажущаяся при абстрактном рассмотрении прямолинейной и "простой" мерой, все же предполагает совершение немалого числа разноплановых действий во всех сферах общества (от экономики до семейных отношений). Иными словами, "формула" этого "философского камня" на самом деле довольно сложна. Между тем киберутопизм представляет нам образ будущего, все ключевые особенности которого поистине проистекают из одного источника. Этот источник – существование компьютеров и связей между ними: "Киберпространство состоит из взаимодействий, отношений и мыслей, волнами расходящихся по сети наших коммуникаций"; "в киберпространстве мы создадим цивилизацию Разума" [10].

Конечно, можно едва ли не до бесконечности дробить сам феномен компьютерной техники, но это будет всего-навсего кружением в узких рамках киберутопизма с его упрощенным, "киберцентрическим" подходом к возможным социальным изменениям. Бесспорно то колоссальное влияние, которое компьютеризация оказывает на все стороны общественной жизни. До известного предела оправданы головокружительно смелые прогнозы относительно будущих достижений в области компьютерных технологий. И тем не менее вести речь о грядущем человечестве, облик которого будет определен *исключительно* компьютерами, равносильно попытке, скажем, представить развитие Европы в Новое время только как результат распространения книгопечатания (без объяснения хотя бы того факта, что в разных странах чтение одних и тех же книг порой приводило к прямо противоположным результатам).

Таковы вкратце те признаки, которые объединяют киберэнтузиазм Барлоу и его единомышленников с многовековой утопической традицией. Рассмотрим теперь отличительные черты киберутопизма.

1. *Анархический характер киберутопии.* Общим местом давно уже стали рассуждения о тоталитарности классических утопий. Мертвенное единообразие внешнего вида и мыслей утопийцев, жестокость "непогрешимых" правителей, возмутительная абсурдность и несомненная опасность описывавшихся утопистами "казарменных" нововведений – все это неоднократно подвергалось критике. "'Утопия", "утопический" используются в современном языке скорее не как понятия, а как *epitheta opprobria* (бранные эпитеты), что является вполне объяснимой реакцией на кризис системы, претендовавшей на построение нового мира и формирование нового человека" [9].

Киберутопия составляет очевидный контраст утопиям прошлого – таким, как утопия аббата Морелли, предлагавшего объявлять инакомыслящих безумными и заживо замуровывать их в пещере, или Икария Кабе, где палачом сжигаются все "опасные" книги и выходит только одна "Народная

газета" [7, с. 109, 136]. В своей "Декларации" киберутопист Барлоу провозглашает: "Мы создаем мир, в котором кто угодно и где угодно сможет выразить любые убеждения без страха быть принужденным замолчать или принять мнение большинства" [10]. Созвучно Барлоу высказывается Р.-Ю. Сириус, редактор киберкультурного журнала *Mondo 2000*: "Мы пропагандируем лишь одно: свободу на этой новой территории [в киберпространстве – Д.П.]. Единственный путь к свободе – это не иметь программы. ...Мы родом из мест относительной социальной безответственности. Но мы предлагаем мечту и экспансию тем, кто этого хочет" [цит. по: 1, с. 58].

Я касался того, что уже в 60-70-х гг. киберутопия была частью широкого контркультурного протеста против "Системы", "Истеблишмента", военно-промышленного комплекса и т.д. Однако выше мною акцентировался свойственный киберутопизму пафос отрицания существующих порядков – отрицания во имя некоего "лучшего мира". Здесь же я подчеркиваю анархический характер киберутопического идеала. Вышеупомянутое "истинно гуманное общество", предпосылку возникновения которого киберэнтузиасты видели в распространении компьютерной техники, несущей свободу общения и самовыражения, по сути своей – виртуальная "вольница", скрепленная одним только добровольным согласием "играть по общим правилам".

Связь киберэнтузиазма и анархизма вполне закономерна: виртуальный мир без границ, гражданства, правительств, тюрем и т. д. многим казался и кажется естественным и надежным убежищем для тех, кто томится под властью "дряхлых гигантов из плоти и стали". Этим обусловлены особенности самого языка некоторых киберэнтузиастов, говорящих о свободном обмене информацией как о своеобразной "партизанской войне против бюрократов", о "временных автономных зонах" (в виде компьютерных сообществ), освобожденных от государственного контроля, и т. п. [1, с. 37, 54]¹. Наконец, в полном соответствии с духом анархии, в киберутопии смешались радикальные идеи всех толков – от планов компьютерной "герильи" до принципов анархо-капитализма.

2. *Особая форма существования киберутопии, ее "нерасчлененность"*. Традиционная утопия может быть представлена как совокупность относительно самостоятельных элементов: 1) духовный вождь движения или автор утопического произведения; 2) программа движения или литературное произведение, выражающее утопические идеи; 3) последователи утопического учения или поклонники творчества автора-утописта. Характер взаимосвязей этих элементов существенно меняется при переходе от одной утопической модели к другой, но, тем не менее, общая схема выдерживается всегда (естественно, там, где речь идет о крупных, заметных утопиях; мало кому известные описания и проекты в расчет не принимаются).

Форма же существования киберутопии если не полностью, то в значительной мере отходит от этой традиционной схемы.

Во-первых, в русле киберутопии во многом стирается грань между лидером-автором и его последователями-почитателями. В предисловии к своей "Декларации" Барлоу заявляет, обращаясь к "сетянам": "Я надеюсь на то, что вы распространите написанное мною настолько широко, насколько это возможно. *Если угодно, вы можете не упоминать при этом моего имени, поскольку меня не волнует признание. Совершенно не волнует.* Я лишь надеюсь, что мой призыв эхом разнесется по Киберпространству, *меняясь, усиливаясь и повторяясь снова и снова, пока не превратится в единый клич, способный стать достойным ответом на только что предпринятую против нас идиотскую меру*"² (курсив мой. – Д. П.) [10]. Если даже фигура автора-лидера и не исчезает полностью, то в калейдоскопе гиперссылок она, во всяком случае, растается – вольно или невольно – с неприкосновенным авторитетом первоисточника. Таков неизбежный результат обращения к аудитории, каждый представитель которой обладает средствами сохранения, копирования и дальнейшего распространения любой информации, любого послания.

Во-вторых, киберутопизм в известном смысле стирает грань даже между самими утопическими *идеями*, с одной стороны, и их глашатаями и сторонниками – с другой. В русле прежних утопий мы, не задумываясь, разделяем содержание утопии и людей, утопию создавших или

¹ Теоретик "временных автономных зон" (ВАЗ) Хаким Бей на страницах *Mondo 2000* писал, что ВАЗ представляет собой "герилью, которая освобождает район – земли, времени, воображения, – а затем самораспускается, чтобы вновь собраться в другом месте / в другое время, пока Государство не смогло уничтожить его" [цит. по: 1, с. 54].

² Напоминаю, Барлоу имеет в виду Закон о телекоммуникациях, подписанный президентом Клинтоном 8 февраля 1996 г., за день до появления "Декларации".

воспринявших и совершающих под ее влиянием некие действия. Но в киберутопии идея, ее выразитель и ее выражение сливаются в одно целое – в *акт*, совершаемый участником электронной коммуникации, акт, который в виртуальном измерении и является, собственно говоря, *netizen*, "сетянином", "новым человеком" киберпространства. Вот почему киберутопию, как было сказано ранее, нельзя считать просто очередным идеологическим феноменом, стоящим в одном ряду с классическими утопиями. Выражение утопических идей в Интернете – это сама форма существования киберутопических сетевых сообществ.

Однако в киберутопической конструкции есть и серьезный изъян. Ключевой идеей киберэнтузиастов является идея виртуального пространства как свободного мира, не знающего преград для самовыражения, общения, взаимообогащающего обмена идеями. Отчасти подобная оценка справедлива. Вместе с тем без внимания остается существенное противоречие между *виртуальным* коллективизмом Сети и *реальным* одиночеством множества ее отдельных "обитателей".

Кажется странной необходимость указывать, что, какими бы ни были проблемы, стоящие перед современным человеком, их решение возможно только в сфере непосредственного, живого взаимодействия, но отнюдь не в сетевом пространстве, на которое проецируются человеческие мысли, чувства и действия. Интернет, несмотря на огромные возможности, им открываемые, способен играть лишь вспомогательную роль, *улучшая* реальность, а не *подменяя* ее.

Исследователи утопии неоднократно отмечали, что при известных обстоятельствах утопические идеи могут выступать как своеобразный стимул для преодоления препятствий на пути общественного развития [5, 6]. Изучение особенностей киберутопизма поможет установить, в состоянии ли он сослужить современному человеку такую службу.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. – Екатеринбург: Ультра.Культура, 2008. – 478 с. 2. Ионин Л. Г. Социология в обществе знаний. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 431. 3. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с. 4. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с. 5. Блох Э. Принцип надежды / Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – с. 49-78. 6. Манхейм К. Идеология и утопия / Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – с. 7-276. 7. Форт А. Социальные утопии. – М.: КомКнига, 2007. – 192 с. 8. Шацкий Е. Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с. 9. Черткова Е. Утопия как тип сознания // <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/08/04/0000171885/006ons3-93-0071-81.pdf>. 10. Barlow J. A Declaration of the Independence of Cyberspace // http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaration.